

Миловская Н. Д. О типах языковой игры и их актуальных реализациях в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики / Н. Д. Миловская // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 109–117.

УДК 821.112.2-36:81'373.42

О типах языковой игры и их актуальных реализациях в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики

Н. Д. Миловская

Статья продолжает ряд публикаций автора, посвящённых описанию формирования юмористического эффекта в жанре немецкого бытового анекдота (*Witz*). Предметом исследования являются аутентичные немецкие языковые бытовые анекдоты *Wortwitz* политической тематики. Во многих из них семантический механизм создания юмористического эффекта связан с феноменом языковой игры. Автор разграничивает два типа языковой игры: семантический и семантико-синтаксический. Первый представлен словесной игрой, второй – каламбуром. Словесная игра строится преимущественно на основе: а) креативного манипулирования семантикой полисемантической опорной лексемы, обусловленного лексико-семантическим варьированием и символическим переосмыслением её значения; б) креативного манипулирования семантикой опорных лексем, однозвучностью фонетической манифестации которых обусловлена омонимией; в) креативного манипулирования семантикой опорной лексемы на основе трансформации её буквенного состава; г) креативного манипулирования двойной актуализацией более крупного опорного компонента (словосочетания). Положенный в основу немецких анекдотов политической тематики каламбур обычно представляет собой, по авторскому определению, лингвокреативный эксперимент, развёртывающийся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры «хиазм». В статье предлагается лингвокогнитивная интерпретация реализаций семантического механиз-

ма создания юмористического эффекта в немецких текстах указанного жанра.

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот; политическая тематика в анекдоте, языковая игра; игра слов; каламбур.

Среди немецких *языковых* бытовых анекдотов Wortwitz представлены малоформатные юмористические сюжеты на политические темы. Под прицел критики народного острослова, являющегося коллективным автором данных сюжетов, попадают не только значимые поступки известных политиков или значимые феномены политической жизни Германии, но и весьма тривиальные факты из повседневной жизни руководителей государства и простых граждан, которые осмысливаются в контексте социальной жизни всего общества в самом нигилистическом её восприятии. Семантический механизм создания юмористического эффекта в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики сопряжен с опорным компонентом, способным за счёт своей семантической двуплановости обеспечить возможность двойной перспективы интерпретации содержания сюжета. Замечено, что во многих немецких языковых бытовых анекдотах политической тематики семантический механизм создания юмористического эффекта связан с феноменом языковой игры.

В нашем понимании [Миловская, 2011б, с. 204], языковая игра представляет собой мыслительно-языковой и мыслительно-речевой эксперимент по креативному, осуществляемому вопреки принятым в данной лингвокультуре ассоциативным стереотипам, использованию всех категорий и единиц языка. Этот эксперимент основан на способности субъекта речи к когнитивному столкновению понятий-представлений, относящихся к удалённым предметно-референциальным областям, с последующей экспликацией когнитивного продукта бисоциирования [Кестлер, 1993, с. 99] в фактах языка.

Языковая игра, ограниченная функцией создания юмористической пуанты (неожиданного соединения несовместимых смыслов), в немецких языковых бытовых анекдотах политической тематики обнаруживает целый ряд особых характеристик. Она, в частности, представляет собой [Миловская, 2011а, с. 23] лингвокреативный эксперимент коллективного автора как создателя и творца анекдота.

Этот лингвокреативный эксперимент а) построен на творческом манипулировании семантическим потенциалом конституируемого любыми единицами и / или категориями языка опорного компонента, б) осуществляется на стилистически маркированной и немаркированной синтаксической основе, в) нацелен на создание юмористического эффекта, требующего от реципиента приложения лингвокреативных усилий к его декодированию, г) вызывает удовольствие семиотической природы и смех реципиента.

Установлено, что языковая игра, реализуемая в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики, представлена двумя типами: словесной игрой и каламбуром.

СЛОВЕСНУЮ ИГРУ как семантический тип языковой игры мы понимаем как языкотворческий эксперимент коллективного автора, основанный на креативном манипулировании семантическим потенциалом опорного компонента, конституируемого словом или фразеологической единицей (ФЕ), и развёртывающийся на стилистически немаркированной синтаксической основе. Словесная игра реализуется в нескольких разновидностях.

Креативное манипулирование семантикой полисемантической опорной лексики, обусловленное лексико-семантическим варьированием её значения, – особенно востребованная разновидность словесной игры. (1) «Das Telefon klingelt. Meier: „Meier“. Schmidt: „Oh, Entschuldigung, da habe ich falsch **gewählt**. Meier: „Macht nichts. Das haben wir schließlich alle“». В анекдоте (1) имеет место столкновение-обыгрывание значения лексико-семантического варианта (ЛСВ) *wählen* ‘beim Telefon durch Drehen der Wahlscheibe bzw. Drücken der Tasten mit den entsprechenden Ziffern die Telefonnummer eines anderen Teilnehmers zusammensetzen, um eine Verbindung herzustellen’ на фоне ЛСВ *wählen* ‘sich durch Abgeben der Stimme bei einer Wahl für jmdn., etw. entscheiden; durch Wahl bestimmen’ [DU, 2001].

При восприятии следующего языкового бытового анекдота, имеющего формат шуточного вопроса с обескураживающим ответом на него, реципиенту необходимо распознать юмористическое столкновение-обыгрывание значений лексико-семантических вариантов слова *aufhängen*. (2) «Frage: Was ist der Unterschied zwischen einem Politiker und einem Telefonhörer? Antwort: Den Telefonhörer kann man

aufhängen, wenn man sich verwählt hat...». С опорным глаголом *aufhängen* в повседневном общении связаны ожидания самого бесхитрого его толкования. Для представителя немецкого этноса актуально прежде всего значение ‘etwas auf eine entsprechende Vorrichtung hängen’ [DU, 2001], которое реализуется в тривиальных бытовых ситуациях. В нашем случае сочетание *den Telefonhörer aufhängen* связано с предметно-референциальной областью «Ошибочное соединение по телефону», на которое изначально и настраивается реципиент, подталкиваемый к подобному декодированию глаголом *sich verwählen* с его значением ‘beim Telefonieren versehentlich eine falsche Nummer wählen’.

Однако присутствие в тексте лексемы *Politiker* ориентирует реципиента на соотнесение глагола *sich verwählen* и с другой предметно-референциальной областью, а именно с областью «Избрание политического деятеля на должность в органы государственной власти». При этом актуализируется окказиональное значение глагола *sich verwählen* – ‘bei einer Wahl versehentlich einen falschen Politiker wählen’ = ‘sich durch Abgeben seiner Stimme bei einer Wahl für einen ungewünschten Politiker entscheiden’. Оно-то и способствует оживлению в слове *aufhängen* потенциально возможного значения ‘jmdn. aufhängen = zum Tode durchs Aufhängen verurteilen’, которое эксплицирует нелицеприятное отношение народа к своему избраннику в том случае, если он не оправдывает надежд своих избирателей.

Как видим, возникает «напряжение» между значениями лексико-семантических вариантов опорного слова *aufhängen* – ‘etwas auf eine entsprechende Vorrichtung hängen’ и ‘jmdn. zum Tode durchs Aufhängen verurteilen’. Такого рода столкновение-обыгрывание на фоне друг друга значений ЛСВ опорной лексемы, актуализируемых в ней в связи с интерпретацией слова из перспективы различных предметно-референциальных областей сообщения, представляет собой игру слов, которая создаёт юмористический эффект в анекдоте. Её успешное декодирование вызывает семиотическое удовольствие [Зализняк, 2004, с. 25], получаемое реципиентом при обнаружении им формирующих игру слов смыслов.

В сюжете (3) директор текстильного предприятия и директор цирка, находясь в тюремной камере, вспоминают о подготовке к празд-

нованию октябрьских торжеств по поводу 35-летнего юбилея ГДР. (3) «Zwei ehemalige Direktoren begegnen sich in einer Gefängniszelle. „Wo warst du Direktor?“ „Ich war Zirkusdirektor!“ „Und warum bist du hier?“ „Ich habe im vergangenen Oktober ein Transparent am Zirkuszelt anbringen lassen.“ „Und was stand drauf?“ „35 Jahre DDR – 35 Jahre volkseigener **Zirkus!** Und du?“ „Ich war Direktor einer Textilfabrik und hab‘ auch ein Transparent anbringen lassen.“ „Und was stand auf dem?“ „Jede zweite Genosse ein **Spinner!**“». Директор текстильного предприятия рассказывает о том, как он вывесил на здание своей фабрики лозунг „Jeder zweite Genosse ein **Spinner!**“. Реципиент анекдота понимает, что декодирование выделенного слова в данном лозунге ориентировано на значение его ЛСВ *Spinner* ‘Facharbeiter einer Spinnerei (Berufsbezeichnung)’. Понятно также и то, что это значение является для директора ближайшим в силу его профессиональной деятельности [Кобозева, 2000], поэтому для реципиента нет ничего удивительного в том, что именно это значение директор фабрики подразумевает в момент вывешивания транспаранта.

Однако тот факт, что руководитель текстильной фабрики вспоминает о юбилейных событиях in einer Gefängniszelle, наводит реципиента на мысль о том, что далёкие от текстильного производства партийные руководители, подозревающие всех и вся в нелояльности к социалистическому режиму, поспешили приписать лексеме *Spinner* значение её другого ЛСВ ‘jemand, der wegen seines absonderlichen, skurrilen, spleenigen Verhaltens auffällt, als Außenseiter betrachtet wird’, которое несёт отрицательную оценку и реализуется только в повседневно-бытовом общении. В связи с этим понятно, что последствия (тюремное заключение) не заставили себя ждать.

Нельзя обойти вниманием наблюдаемую в (3) игру слов иного типа. В её основе также лежит юмористическое столкновение-обгрывание на фоне друг друга двух значений опорного слова, одно из которых представителями этноса соотносится с определённым, не лежащим на поверхности, глубинным смыслом, реконструируемым в парадигме данной культуры, то есть на символическом значении. Речь идёт о второй опорной лексеме сюжета (3) – *Staatszirkus*. Кроме значения ‘Unternehmen, das meist in einem großen Zelt mit Manege Tierdressuren, Artistik, Clownerien u. Ä. darbietet’, приходящего

на ум прежде прочих, слово *Staatszirkus* способно выражать значение ‘großes Aufheben, Trubel, Wirbel’ [DU, 2001], и этот лексико-семантический вариант, свойственный разговорной, стилистически сниженной речи, содержит уничижительные коннотации. Намёк на то, что лексема *Staatszirkus* при истолковании ее в контексте исторических обстоятельств воскрешает в когнитивной сфере этноса прежде всего сопровождаемое уничижительными коннотациями значение ‘großes Aufheben, Trubel, Wirbel’, позволяет нигилистически, но завуалированно, прокомментировать проводимые в ГДР того времени социально-политические преобразования, в результате которых жизнь народа на местах не меняется к лучшему: социалистические преобразования создают впечатление не продуманного поступательного развития, а скорее балаганного спектакля, бестолковой суеты и сумятицы.

Креативное манипулирование семантикой опорных лексем, однозвучность фонетической манифестации которых обусловлена омонимией, является намеренным юмористическим столкновением-обыгрыванием значений опорных лексем-омонимов на фоне друг друга в границах одного гомогенного сюжета. (4) «Es ist eine Ironie des Schicksals, dass gerade in dem Lande, wo man am meisten **Heil** gerufen worden ist, so wenig **heil** geblieben ist». (5) «Wo versteckt sich Saddam sicher nicht? – Hinter **Bush**». Поясним, что в сюжете (4) имеет место столкновение-обыгрывание омонима *Heil* (Zufall; Gesundheit; Heilung, Rettung, Beistand), отсылающего в данном случае к востребованной во времена третьего рейха формуле приветствия, и омонима *heil* (unversehrt, unverletzt; wieder gesund; ganz intakt) на фоне друг друга. В сюжете (5) коллективный автор, опираясь на феномен транссистемной омонимии, побуждает реципиента анекдота к юмористическому осмыслению на фоне друг друга имени американского политического деятеля George W. Bush и отсутствующей в текстовом полотне сюжета немецкой номинации *der Busch* (dich gewachsener Strauch).

В анекдоте (6) житель Германии, прибегая к словесной игре на основе омонимов, высказывает глубокую неудовлетворённость жизнью в своей стране, она кажется ему намного более безрадостной, нежели жизнь в Америке. (6) «Neulich in einem Albanischen Friedenscamp. Ein Streit entbrennt über nationale Errungenschaften zwischen einem Deutschen und einem Amerikaner. Der Amerikaner zum Deutschen:

„We have Bill Clinton, Stevie Wonder, Bob Hope and Johnny Cash!“ Der Deutsche entgegnet: „We have Gerhard Schröder, no **Wonder**, no **Hope** and no **Cash**...“». Очевидно, что созданию юмористического эффекта в данном анекдоте способствуют три пары омонимов. Одним из омонимов в каждой паре является фамилия американского деятеля культуры: *Stevie Wonder* (певец и композитор), *Bob Hope* (комик, актер), *Johnny Cash* (певец). Второй элемент в каждой паре представлен существительным английского языка *wonder* (чудо), *hope* (надежда), *cash* (деньги). В момент осмысления анекдота реципиенту окажется по силам его успешное декодирование лишь в случае «бисоциативного толчка», позволяющего обыгрывание на фоне друг друга семантики полных омонимов *Wonder* – *wonder*, *Hope* – *hope*, *Cash* – *cash*, которые отсылают реципиента к несовместимым предметно-референциальным областям.

Креативное манипулирование семантикой опорной лексемы на основе трансформаций её буквенного состава представляет собой языкотворческий эксперимент, при котором имеет место сознательное искажение формальной стороны опорной лексемы с целью создания альтернативной лексемы, парадоксальность содержания которой осмысливается реципиентом на фоне содержания исходной. (7) «„Was ist der wichtigste Buchstabe der Deutschen Sprache?“ – „Der wichtigste Buchstabe der Deutschen Sprache ist das **W**, denn wenn das **W** nicht wäre, hieße es nicht **Warschauer Pakt**. Wenn das **W** nicht wäre, hieße es **Walter Ulbricht**. Wenn das **W** nicht wäre, hieße es nicht **Waffenbrüderschaft**“». В анекдоте (7) в процесс обыгрывания на фоне друг друга коллективный автор втягивает составляющие пары лексемы: *Warschauer Pakt* – *Arschauer Pakt* и *Waffenbrüderschaft* – *Affenbrüderschaft* (с акцентуацией во втором элементе каждой пары его пейоративного содержания через лексемы *Arsch*- и *Affen*- соответственно), осмысление обескураживающей разницы в значениях которых и вызывает смех реципиента. Заметим, что при творческом манипулировании семантикой опорной лексемы, основанном на трансформациях её буквенного состава, в немецких языковых бытовых анекдотах политической тематики на фоне друг друга обыгрывается семантический потенциал опорной лексемы, представленной словом-пейоративом, и семантический потенциал известного в узусе слова.

Креативное манипулирование двойной актуализацией более крупного опорного компонента (словосочетания). (8) «Auf einem internationalen Medizinerkongress werden Mandeloperationen durchgeführt. Die seitens der Amerikaner dauern 20 Minuten, die der Engländer 30 Minuten, die der DDR Ärzte jedoch 7 Stunden. „Sie müssen das verstehen,“ täumen sie beschämt ein, „wir müssen da rektal ran. Bei uns **macht doch keiner den Mund auf...**“». В (8) словесная игра представляет собой столкновение-обыгрывание на фоне друг друга буквального значения крупного опорного фрагмента в формате переменного словосочетания *den Mund aufmachen* и обобщённо-переносного значения визуальной ФЕ того же структурно-семантического состава.

КАЛАМБУР как семантико-синтаксический тип языковой игры, реализуемый в немецком языковом бытовом анекдоте политической тематики, является самостоятельным, но более узким типом языковой игры в целом. Он представляет собой лингвокреативный эксперимент коллективного автора, развёртывающийся на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры «хиазм». (20) «Kennen Sie den Unterschied zwischen... Nil und Behörde? Am Nil sitzen **die Posten auf hohen Kamelen**, und bei der Behörde sitzen **Kamele auf hohen Posten**».

В каламбурах со структурно-синтаксическим рисунком фигуры «хиазм» образ-представление исходного опорного фрагмента обыгрывается на фоне образа-«перевёртыша» переформатированного фрагмента. При этом в параллельный перекрёстный повтор вовлекаются полисемантические лексемы, демонстрирующие динамику своей семантики. Конституирующими характеристиками каламбуров данного типа являются их а) ребусность и двуслойность семантики; б) стилистическая маркированность синтаксического рисунка; в) более зрелый уровень лингвистической эстетики.

Итак, наблюдения за аутентичными немецкими языковыми бытовыми анекдотами политической тематики позволяют утверждать, что реализацию семантического механизма создания юмористического эффекта в них обеспечивают два типа языковой игры: словесная игра как семантический тип языковой игры и каламбур как семантико-синтаксический тип языковой игры. Актуальными и востребованными реализациями семантического типа языковой игры является

словесная игра на основе: а) креативного манипулирования семантикой полисемантической опорной лексемы, обусловленного лексико-семантическим варьированием и символическим переосмыслением её значения; б) креативного манипулирования семантикой опорных лексем, однозвучность фонетической манифестации которых обусловлена омонимией; в) креативного манипулирования семантикой опорной лексемы на основе трансформации её буквенного состава; г) креативного манипулирования двойной актуализацией более крупного опорного компонента (словосочетания). В свою очередь, актуальной и востребованной реализацией семантико-синтаксического типа языковой игры является каламбур, построенный на структурно-синтаксической основе стилистической фигуры «хиазм».

Литература

1. *Зализняк А. А.* Феномен многозначности и способы его описания / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.
2. *Кестлер А.* Дух в машине / А. Кестлер // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 93–122.
3. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. - Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса : автореферат диссертации... доктора филологических наук / Н. Д. Миловская. – Иваново, 2011а. – 40 с.
5. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса : диссертация... доктора филологических наук / Н. Д. Миловская. – Иваново, 2011б. – 366 с.
6. *Deutsches Universalwörterbuch.* – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 2001. – 1892 с.

© **Миловская Наталья Дмитриевна (2013)**, доктор филологических наук, заведующая кафедрой германской и романской филологии, Ивановский государственный университет (Иваново), milnatdm@yandex.ru.